

УДК 368.01

СООТНОШЕНИЕ ДИСПОЗИТИВНЫХ И ИМПЕРАТИВНЫХ МЕТОДОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пушкарев Станислав Вадимович,

кандидат юридических наук,

доцент кафедры частного права России и зарубежных стран,

ФГБОУ ВО Марийский государственный университет. Россия, г. Йошкар-Ола.

E-mail: pushkarev_stanislav@bk.ru.

ORCID ID: 0000-0002-1812-2060

Аннотация. В статье автор рассматривает проблемы соотношения диспозитивных и императивных методов регулирования страховой деятельности в России как на уровне законодательства и актов финансового мегарегулятора, так и в правоприменительном (судебном) преломлении. Сложившаяся в настоящее время ситуация с не всегда обоснованным преобладанием императивного регулирования и излишней защитой потребителей страховых услуг отрицательно сказывается на развитии страхового дела.

Ключевые слова: государственное регулирование, диспозитивный метод, императивный метод, метод правового регулирования, потребитель, страховая деятельность, страховая услуга, страховщик.

Деятельность страховых организаций в России характеризуется сочетанием двух противоположных концептуальных начал – свободного частного-правового, основанного на равенстве его участников, и публично-правового, вытекающего контрольно-надзорного статуса Банка России как финансового мегарегулятора по отношению к участникам страхового рынка.

Законный интерес любой страховой компании в привлечении максимального числа платежеспособных клиентов по наименее убыточным видам страхования сталкивается с государственной правореализационной деятельностью по защите прав потребителей страховых услуг, которые, как принято считать, являются более слабой стороной в отношениях со страховщиком. С одной стороны, первый интерес зачастую приводит к нарушениям прав страхователей, выражающихся в навязывании им дополнительных договоров добровольного страхования при заключении договоров обязательного страхования (в первую очередь – договоров ОСАГО, а в последние годы – услуг по накопительному (НСЖ) и инвестиционному (ИСЖ) страхованию жизни при заключении договоров банковского кредита). С другой стороны, излишнее и нередко непродуманное государственное вмешательство в указанные социально-правовые практики приводит к возложению на страховые компании неоправданного объема обязанностей, принуждению к ведению убыточного вида деятельности, что уже посягает на их права.

В результате широкого распространения указанных процессов на страховом рынке России сформировалось несколько деструктивных элементов системы страхования, угрожающих ее стабильности, и, в конечном счете, – подрывающих основы финансового сектора рыночной экономики.

Можно утверждать, что главным таким деструктивным элементом является укоренившаяся в отечественной науке правовая фикция, что потребитель всегда является слабой стороной договора. Данное весьма спорное в условиях рыночной экономии-

ки, осложненной высокой степенью государственного вмешательства в нее, положение нашло свое отражение в законодательстве, а также охотно развивается судебной практикой. Вместе с тем, с данным постулатом вполне можно поспорить.

Во-первых, вряд ли можно говорить о превалировании возможностей предпринимателя над возможностями потребителя в связи с тем, что у последнего нет штата экономистов, бухгалтеров и юристов. В действительности, их содержание для хозяйствующего субъекта весьма накладно и из-за объема работы не всегда максимально эффективно, особенно – в регулируемых видах деятельности. Потребитель страховых услуг всегда может обратиться к огромному числу так называемых «автоюристов», представителям обществ защиты прав потребителей, а также представителям органов государственной власти, которые его бесплатно, оперативно и качественно проконсультируют по интересующему его вопросу.

Во-вторых, предприниматели в России законодательно поставлены в неравные с потребителем условия, поскольку последний имеет намного больше прав и не несет практически никакой юридической ответственности за свои действия, в то время как продавец, исполнитель или подрядчик (в рассматриваемом случае – компания, предлагающая страховые услуги) обременен огромным числом обязанностей и лишен действенных способов защититься от недобросовестных клиентов.

Таким образом, складывается ситуация, когда предположение о слабой стороне договора на доктринальном и законодательном уровнях не совпадает с тем, кто занимает эту позицию на правореализационном уровне, в конкретных правореализационных ситуациях. В реальной жизни, в конкретных правоотношениях слабой стороной в связке «страхователь – страховщик» выступает именно последний, поскольку на этом правоприменительном уровне он подвергается дискриминации, исходя из порочной практики реализации некоторых ошибочных принципов, доставшихся современной правовой системе России от советского прошлого.

Все последующие деструктивные элементы по своей сути являются продолжением обозначенного выше фундаментального заблуждения, вытекают из него. К их числу относятся и практики страхового мошенничества, и как ответ на них – невыплаты страхового возмещения при малейшем подозрении выплатных подразделений страховых компаний в недобросовестности страхователя.

При этом широкое применение находит использование императивных методов правового регулирования даже в тех случаях, когда, казалось бы, отношения сторон могут (и должны) следовать в русле признания автономии воли и в целом – диспозитивности.

Эту мысль можно проиллюстрировать следующим образом. На рынке страховых услуг, безусловно, основным игроком со стороны государства как публично-правового образования выступает Центральный Банк Российской Федерации как финансовый мегарегулятор, который издает обязательные для страховщиков положения, указания и инструкции [7, с. 120]. Однако не всегда он ограничивается данными законными способами регулирования страховых отношений. Ярким примером необоснованного вмешательства в частно-правовые отношения сторон документом, даже не являющимся нормативным правовым актом, выступает информационное письмо Банка России от 02.04.2019 № ИН-015-45/30 [4], которым фактически было изменено содержание Указания от 20.11.2015 № 3854-У [9] в части возможности необоснованного расторжения страхователями комбинированных договоров добровольного медицинского страхования выезжающих за рубеж и иных видов страхования (например, от несчастных случаев). Более того, судебная практика совершенно нормально восприняла данное обстоятельство, а суды используют это информационное письмо в качестве обоснования принимаемых решений.

В арсенале Банка России также есть такие способы государственно-властного воздействия на страховщиков как направление ему запросов, выдача предписаний, составление протоколов об административных правонарушениях, вынесение постановлений по делам об административных правонарушениях, приостановление и даже отзыв лицензии.

Однако деятельность страховщиков также контролируют органы прокуратуры, Федеральная антимонопольная служба, Роспотребнадзор. Несколько реже, но вынуждены страховщики сталкиваться с вмешательством в свою деятельность со стороны общественных объединений (в виде запросов представителей политических партий), средств массовой информации и представителей иных отдельных органов государственной власти (депутатские запросы и т. д.).

Диспозитивным средствам и методам регулирования страхового рынка остается лишь небольшая толика от общего объема составляющих его практики и правоотношений. Так, по сравнению с периодом наибольшего распространения диспозитивных начал в гражданском обороте в целом и в страховании в частности в первое десятилетие после принятия Закона об организации страхового дела 1992 г. [3] в последние годы наблюдается все большая зарегулированность страхового рынка, что можно выделять как одну из черт современного этапа его развития, наряду с цифровизацией [6, с. 160].

В частности, Соглашение о прямом возмещении ущерба, заключенное между всеми страховщиками – участниками рынка ОСАГО, внешне выглядит как добровольно заключенное соглашение, упрощающее порядок выплаты потерпевшим страхового возмещения в случаях, не требующих серьезного разбирательства, страховой компанией, которая застраховала ответственность самого потерпевшего, а не причинителя вреда. Вместе с тем, на самом деле страховщик, желающий вести деятельность по страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств, обязан присоединиться к данному Соглашению. В противном случае его ждет исключение из числа членов Российского союза автостраховщиков (РСА), а в дальнейшем – отзыв Банком России лицензии на ведение соответствующего вида деятельности.

В качестве другого примера можно привести весьма неоднозначные подходы к праву страховщика на проведение осмотра пострадавшего в дорожно-транспортном происшествии транспортного средства и организацию независимой оценки. Законом об ОСАГО четко установлено право страховщика на указанные действия в установленный срок. При этом страхователь надежно защищен от злоупотреблений страховой компании тем, что для него Законом об ОСАГО также установлено право на организацию собственного осмотра транспортного средства, но только в том случае, если в установленный законом срок этого не сделал страховщик.

На уровне реализации законодательных положений в данной части недобросовестные страхователи и их профессиональные представители злоупотребляют своим положением потребителя и устраивают осмотры транспортных средств самостоятельно без уведомления страховщика до истечения установленного законом срока или направляют страховщику извещение таким образом, чтобы его представители заведомо не смогли присутствовать при нем.

Довлеющее над российскими судами пренебрежение к фундаментальным принципам правового государства с рыночной экономикой не позволяет им принять того, что у страховой организации тоже могут быть права, а не обязанности. Поэтому судебная практика (особенно на уровне мировой юстиции) изобилует большим количеством деструктивных примеров игнорирования этого права страховщика, совершенно неприемлемого ущемления его законных интересов и принятия в качестве доказательств результатов таких самостоятельных осмотров и выполненных по их итогам экспертных заключений о стоимости восстановительного ремонта. Многие исследователи, да-

же признавая информационную асимметрию, зачастую присутствующую в страховых отношениях, и неравный профессиональный статус участников этих отношений, а потому соглашаясь с судебным уклоном в пользу страхователей, задаются при этом вопросом о том, насколько корректны правовые инструменты, избираемые судами в борьбе за защиту страхователей и выделяют «целый ряд аспектов, применительно к которым судебной практике есть куда развиваться» [2, с. 145].

Еще более печальная судьба в правореализационной практике (деятельности) у отдельных проявлений принципа «laissez-faire». В частности, правилами добровольного страхования транспортных средств многих страховых компаний предусмотрено, что возмещение утраты товарной стоимости транспортного средства в результате дорожно-транспортного происшествия не является страховым случаем по договору страхования каско и не подлежит возмещению. Однако, если вновь обратить внимание к правореализационному уровню этого института страхового права, то окажется, что в подавляющем числе случаев практика судов первой инстанции как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах идет вразрез с этим правилом и даже официальной позицией Верховного суда Российской Федерации. Лишь в последнее время в практике начали встречаться судебные решения, в которых вышеназванное правило об исключениях из числа страховых рисков включается в сферу диспозитивного регулирования. В результате, для компенсации причиняемых убытков страховые организации вынуждены более строго подходить к процессу андеррайтинга [8, с. 31], а также распределять эти убытки между добросовестными страхователями, увеличивая страховые тарифы.

Хочется надеяться, что начиная с отдельных позиций Конституционного Суда Российской Федерации, в которых он напоминает участникам гражданского оборота о презумпции добросовестности его сторон и их возможности своим соглашением установить взаимные права и обязанности, не урегулированные императивными нормами права, отечественная судебная практика начнет меняться. В частности, в одном из последних определений Судом было указано, что нормы ГК РФ, позволяющие страхователю и страховщику при заключении договора страхования договориться об изменении или исключении отдельных положений правил страхования и о дополнении правил, сами по себе направлены на реализацию гражданско-правового принципа свободы договора и не вступают в противоречие с Конституцией Российской Федерации [5].

При этом нельзя согласиться с позицией, согласно которой, в связи с тем, что «грамотно управляя средствами страхового фонда, страховщик может получить доход выше, чем проценты по ст. 395 ГК РФ» [10, с. 180], а потому ограничивать его ответственность, используя в качестве ответственности только проценты по ст. 395 ГК РФ с редким, но все же имеющим местом применением норм ст. 333 ГК РФ, неправильно.

Аргументы о том, что руководство в первую очередь стремлением восстановить справедливость в конкретном деле со стороны суда (особенного – Верховного Суда) и оценка того или иного судебного акта как правильного с житейской точки зрения справедливо наталкиваются на констатацию того, что зачастую он «демонстрирует разную степень защиты страхователей, являющихся потребителями и предпринимателями» и «заставляет участников страховых отношений теряться в догадках по поводу того, какие именно тенденции символизируют эти акты, какой посыл в них заложен» [1, с. 8].

Если говорить об избыточной урегулированности отечественного права и необоснованного преобладания в нем императивных начал, то эта проблема раскрывается указанием – «чрезмерная императивность снижает ценность судебной власти» [11, с. 125].

Безусловно, вышесказанное не должно восприниматься так, что государству следует полностью устраниться от регулирования страховой деятельности. Однако ба-

ланс интересов всех участников данных отношений требует установления обоснованного и разумного соотношения применения императивного и диспозитивного начал в таком регулировании. Даже беглое и достаточно поверхностное изучение этого вопроса показывает, что такого баланса в настоящее время нет.

Список литературы

1. Архипова А. Г. Загадки по страховому праву. Комментарий к Определениям Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 04.12.2018 № 42-КГ18-6 и от 19.03.2019 № 11-КГ19-2 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 10. с. 4–12.
2. Архипова А. Г. Судебное вмешательство в договор страхования // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. с. 138–162.
3. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2. Ст. 56.
4. Информационное письмо Банка России от 02.04.2019 № ИН-015-45/30 «О применении отдельных положений Указания Банка России от 20.11.2015 № 3854-У "О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования"» // СПС Консультант Плюс.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2020 № 1177-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кулешовой Натальи Геннадьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 статьи 943 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
6. Пушкарев С. В. История развития страхования в России от своего зарождения до цифровой эпохи // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2020. Т. 6. № 2. с. 156–162.
7. Пушкарев С. В. Место и роль указаний Банка России в системе страхового законодательства // Вестник Межрегионального открытого социального института. 2017. № 1 (5). с. 119–123.
8. Пушкарев С. В. Правовое регулирование процесса андеррайтинга в страховых организациях // Инновационные технологии управления и права. 2020. № 1 (27). с. 29–33.
9. Указание Банка России от 20.11.2015 № 3854-У «О минимальных (стандартных) требованиях к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования» // Вестник Банка России. 2016. № 16 (20 февраля).
10. Фогельсон Ю. Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 576 с.
11. Фокина М. А. Договорные элементы в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. с. 118–130.